

УДК 330.113.4

**О потенциале цифровой экономики для интеграционных процессов
(политэкономические зарисовки)****Макаров А.Н.**

Доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики
Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена анализу особенностей цифровой экономики, трансформации глобального рынка под действием цифровизации. Приведены рассуждения о концептуальных основах цифровой экономики, о ее противоречиях, рисках и возможностях.

Ключевые слова: цифровая экономика, интернет, возможности, риски, воспроизводство

В общественном производстве всех развитых стран (состояние которых определяется как третий постиндустриальный этап) сегодня главенствует третичный сектор, ведущую роль играют информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ), сетевой эффект, приведшие к установлению принципиально новых законов и закономерностей (закон Меткалфа, закон Мура, число Данбара и т.д.), затрагивающих нередко «защитный слой» мейнстрима, актуализируя тем самым парадигмальные вопросы экономической науки. Об этом говорят и ставшие хрестоматийными рассуждения о цифровой (информационной) революции, принципиально преобразующей жизнь всех экономических субъектов и в целом глобальную экономику, в том числе невиданной динамикой изменений своих параметров. Так, в условиях удвоения данных в мире в течение каждых трех лет, увеличения объема всего мирового рынка больших данных с 3,2 млрд долл. в 2010 г. до 28,5 млрд долл. в 2014 г. [1, с. 61] сегодняшние показатели крупнейших стран по выручке на рынках больших данных уже выглядят более внушительно: США (53 % от мирового рынка) – 100 млрд долл., Япония (5,1 %) – 9,6 млрд долл. и Великобритания (4,9 %) – 9,2 млрд долл. По прогнозам, последующий рост мирового объема цифровых данных составит с 40 зеттабайт в 2020 г. до 175 зеттабайт к 2025 г. [2]. Отсюда столь же динамичное усиление глобальной нестабильности и обострение межстрановой конкуренции, заставляющие страны и интеграционные формирования искать стратегические источники экономического роста. Об этом же свидетельствуют ставшие известными в конце января

2020 г. планы Евросоюза о формировании единого рынка данных, направленного противостоять доминирующему положению таких технологических гигантов, как *Facebook*, *Google* и *Amazon*, преодолеть господство в сфере работы с большими данными американских технологических компаний и обогнать китайских конкурентов [3].

В оценке цифровой экономики среди научных исследователей сложились две противоположные друг другу позиции: 1) в силу не столь существенных количественных изменений пока еще нельзя говорить о ней как о значимом явлении четвертой промышленной революции; 2) мы уже находимся на пороге революционных изменений. Если обратиться к терминологии классической экономики, цифровизация экономики рассматривается как один из новых аспектов производительных сил, требующий соответствующего обновления производственных отношений, в том числе и отношений собственности, и соответствующей макроэкономической политики. Ряд ученых усматривает в этом широком разбросе лишь «скольжение по поверхности», рассмотрение формы проявлений без углубления в сущностно-содержательные аспекты, однако при этом воспринимают тенденцию цифровизации экономики как объективный процесс, отмечают ее противоречивость, акцентируя архиважную роль государства: «тут и прогресс, тут и угроза, может быть, смертельная, процессу очеловечения и самой жизни человека и человечества. А уж каким именно боком повернется данная объективная возможность цифровизации гибелью или прогрессом – зависит в значительной степени от направленности макроэкономической

политики государств» [4]. Отмечается также, что реализация стратегии «Российской промышленности 4.0» невозможна без специального высокотехнологического оборудования, обеспечивающего создание микромашино- и приборостроения, нанoeлектроники и нанoфотоники вне цифровой основы. В противном случае реальной опасностью для российской экономики может стать абсолютизация и фетишизация процесса цифровизации [5].

Аналитики предсказывают скорое наступление постцифровой эры, когда ведение всего бизнеса так и ли иначе будет осуществляться с использованием цифровых технологий, а пропасть между передовыми и отстающими фирмами («цифровой разрыв») будет только расти, увеличивая риск компаний безнадежно оказаться среди отстающих и в конечном итоге исчезнуть (так, ставка на устаревшие технологии и стала причиной банкротства в 2012 г. легендарной компании *Kodak*) [6, с. 59]. Современное состояние интернет-бизнеса после «кризиса доткомов» 2000-х гг. [7; 8] может быть охарактеризовано как второй подъем, сопровождаемый появлением новых звезд, успешных IPO, воплощением оригинальных идей и динамичной капитализацией компаний, выведивших на орбиту «новых» миллиардеров от интернета – Марка Цукерберга, Эдуардо Саверина, Дастина Московица, Ларри Пейджа, Сергея Брина. Более взвешенными и продуманными выглядят сегодня возобновляемая с 2004 г. система сетевого бизнеса, снова набирающие свою силу интернет-проекты. При этом ведущее звено развития сетевого бизнеса представляют социальные сети и поисковики. Неслучайно именно акции *Facebook*, *Google*, *Twitter*, *Linkedin*, *Groupon* *MySpace* становятся традиционными инструментами рынка ценных бумаг IT-сектора. Аудитория подобных сайтов, процветающих в течение нескольких последних лет и ставших могущественными организациями социальных сетей (таких как *Facebook*, *Twitter*, *Vkontakte* и др.), огромна, что, несомненно, представляет большой интерес инвесторов на мировом уровне. Такой успех во многом объясняется практическим воплощением гениального решения о предоставлении социальной сети на бесплатной основе, что позволяет обычному человеку обеспечивать себя вполне нормальными доходами благодаря монетизации.

Несмотря на то, что из всех заявленных проектов выглядят приемлемыми в среднем 3-5 %, результативны – 1-2 %, значительную силу стал представлять также рынок стартапов. Инвесторы позволяют себе идти на подобные риски, поскольку прорыв хотя бы одной компании достаточен для покрытия всех издержек и получения в последующем хорошего дохода. Накопленный за последние 15 лет опыт и отлаженные системы сетевого бизнеса позволили изменить многое и вывести его на уровень, не уступающий другим сферам и отраслям, являющимся

более «материальными». В совместной деятельности частных инвесторов и начинающих интернет-проектов сложились две модели работы, а именно – краудфандинг, бизнес-инкубаторы и ангел-инвестирование (о значимости последней свидетельствует и то, что, по мнению исследователей, в конце 2020 г. деятельность клубов бизнес-ангелов попала в топ-5 явлений, положительно влияющих на развитие рынка венчурных инвестиций. В мире насчитывается 1700 ангельских сообществ (из них 611 приходится на США, 357 на Европу)) [9]. При этом хотя процесс вкладывания денежных средств становится более демократичным и доступным для народа (так, если для запуска нового стартапа в 2000 г. потребовалось бы 5 млн долл., то в настоящее время необходимая сумма на порядок меньше [10]), однако все же остается открытым вопрос о том, как все это будет развиваться в дальнейшем и к каким результатам приведет? Пока нет обоснованного ответа, «пузырь» это или новый период сетевого бизнеса. Не могут ли стартапы и социальные сети представлять серьезную причину очередной катастрофы? Возможно ли, что в них скрыта совершенно новая угроза для рынка? Некоторые эксперты подозревают, что новая опасность связана именно с развитием непубличных интернет-компаний и ростом внебиржевого рынка, благодаря которым могут быть созданы условия для надувания очередного «пузыря». С учетом того, что через два десятилетия значение и роль интернета изменились по сравнению с 1996-2000 гг. столь значительно, следует полагать, что если это действительно «пузырь» и он лопнет, то могут быть гораздо более разрушительные последствия.

Нельзя не заметить, что на смену традиционной социальной противоположности владельцев средств производства и наемных рабочих приходят, по М. Кастельсу, не менее противоречивые отношения интернет-имущих и интернет-неимущих, которые будут неизбежно воспроизводиться «глобальным цифровым разрывом». Об этом свидетельствует уже сложившийся «разрыв» в начале XXI в.: около 15-20 % жителей Земли начинают жить в постиндустриальном обществе, 60-70 % продолжают жить в индустриальном, а 15-20 % людей не под силу покинуть даже первичную индустриализацию. Современные очевидные результаты кардинальных изменений стремительным внедрением интернета в содержание современной цивилизации в начале XXI в. подтверждают вывод о том, что значительной части жителей Земли оказалось не под силу иметь доступ к недорогому, открытому и безопасному интернету [11]. Даже при резко возросшей плотности информационных потоков и становлении общества сетевым интернетом пользуется лишь 51,2 % населения планеты (3,9 млрд чел.) [12].

Сформировавшийся на основе современных информационных технологий единый глобальный ры-

нок факторов производства, товаров и услуг в свою очередь приводит к отрицательным последствиям для самой мировой экономики, значительно снижая возможности государств по контролю и регулированию международных экономических операций, борьбе с негативными последствиями глобализации в силу ряда обстоятельств. Усиление роли сформировавшихся новых негосударственных субъектов мирохозяйственных отношений, которые неподконтрольны государству: определенная часть функций государства переходит к транснациональным корпорациям (далее – ТНК), транснациональным банкам (далее – ТНБ) и другим межнациональным структурам, имеющим значительную экономическую власть. Благодаря потери части доходов от внешнеэкономической деятельности, от налогов (так, на основе трансфертных цен ТНК удается обойти таможенные барьеры, налоговые платежи; спекуляция валютными ресурсами негативно влияет на производство, валютные курсы и инфляцию в странах, а в результате – на их бюджет) сокращаются перераспределительные и социально-экономические возможности государств как развивающихся, так и промышленно развитых стран [13, с. 124-132]). Формирование в мире в XXI в. интернациональной олигархии («новых кочевников»), представляющей, по сути, качественно новый глобальный господствующий класс, который не принадлежит и не привязан прочно к какой-либо стране, государству или социальной группе, не несет каких-либо внешних для себя обязательств. Тем самым создание глобальных сетей и наделение их в дальнейшем значимыми полномочиями в сфере общественного управления привело к тому, что государства (в том числе также и безусловно сильные и эффективные) сами же создали посягающий на их суверенитет субъект «внешнего управления» [14, с. 152-153].

Таким образом, в рамках тенденции к глобализации мировое хозяйство обнаруживает сегодня свой предел к прогрессу, потенциальному развитию. Проявляется это в разделении мировой экономики на части, иногда называемые великими мировыми разломами, по сути, характеризующими процесс нового передела мира, в перемещении известного хрестоматийного противоречия между трудом и капиталом в плоскость более глубокого противоречия между логикой развития капиталов и культурными ценностями человеческого бытия, а объектом жесткой конкуренции становится распределение (а точнее отчуждение) функций и ролей государств по участию в мировом управлении.

Отсюда как никогда сегодня актуален поиск новых источников экономического роста, новой теории с ее адекватной метапарадигмой и категориальным наполнением, возможно, обращением к эвристическим традициям политической экономии с новым содержанием, соответствующим нынешним усло-

виям мировой экономики. Оценивая эвристические возможности неоклассической парадигмы, Дж. Стиглиц отмечает о недостаточности стандартной модели конкуренции в анализе рыночной экономики, в которой важную роль играют исследования и инновации [15, с. 391]. Одной из фундаментальных причин, по определению Л. Мизеса, является то, что теория рыночной экономики (неоклассика) есть не что иное, как учение об обмене – каталлактика [16]. В то время как широкий спектр фундаментальных оснований хозяйственной системы, включая динамические технико-экономические и политико-социальные изменения, отражается воспроизводством как политэкономической категорией.

При этом в реальной хозяйственной практике в альянсе с экономической политикой в качестве приоритетного навязывается (и по праву сильного в финансовых играх всегда выигрывает и побеждает) именно денежный интерес, определяемый так называемой национальной финансовой политикой и, к сожалению, реализуемый за счет бедных. Так, половина взрослого населения мира располагает лишь 1 % глобального благосостояния. К 2018 г. за год число долларовых миллиардеров на планете увеличилось почти на 150 чел., тем самым их состояние возросло на 762 млрд долл. Теперь на долю 1 % населения планеты приходится 82 % всех мировых богатств. Парадокс состоит также в том, что самые богатые страны мира, каковыми в 2018 г. были признаны Люксембург (110864 долл. США на душу населения), Швейцария (80113 долл. США на душу населения); Норвегия (73775 долл. США на душу населения), Катар (72961 долл. США на душу населения), Исландия (63787 долл. США на душу населения), США (61053 долл. США на душу населения), Макао (60470 долл. США на душу населения), Ирландия (59335 долл. США на душу населения), Дания (5707 долл. США на душу населения), Сингапур (55253 долл. США на душу населения) [17], получают доходы благодаря лишь транзакционным операциям, извлекают институциональную ренту в процессе обмена (т.е., по сути, каталластики), и цифровая экономика наверняка в дальнейшем может ускорить этот процесс. Ведь сферу создания богатства представляет производство, а для получения дохода следует еще пройти стадию обмена, после чего пропорции этого дохода распределяются далеко не по канонам классической политэкономии.

В то время как данная проблема, из которой, как правило, и вытекают серьезные противоречия и конфликты в различных сферах хозяйствования, даже не закладывается принципами экономикс и экономической теорией в свой предмет изучения, не говоря о целостном ее анализе. Автор самой читаемой сегодня книги Т. Пикетти пишет: «Я предпочитаю словосочетание “политическая экономия”, которое... обладает тем достоинством, что отражает

единственно приемлемую особенность экономики в рамках общественных наук, которая заключается в ее политическом, нормативном и нравственном измерении. С самого своего появления политическая экономия стремится научно или по крайней мере рационально, систематически и методически исследовать, какой должна быть идеальная роль государства в социальной и экономической организации страны, какие государственные институты и политические меры приближают нас к идеальному обществу» [18, с. 587]. Классическая политэкономия стала первой относительно сформировавшейся дисциплиной не просто об экономическом росте, а о хозяйственном развитии, воплотив в себе результаты упорной работы пытливых умов всесторонне образованных людей над поиском стратегии и форм эволюции человеческого сообщества. Цифровая экономика может коснуться всего того, что поддается формализации, представлению в логических схемах, а политэкономия призвана показать возможность использования этого «нечто» в системе реального производства, распределения, обмена и потребления, конкретные механизмы которых найдет сама жизнь [19]. Отсюда выглядит парадоксальным исключение политэкономии из вузовских образовательных программ, из научных классификаторов.

Человечество постепенно и неуклонно оцифровывается, тем самым стираются границы между людьми. В то же время почти две трети человечества страдает от ограниченного доступа к финансовым сервисам, не имея возможности отправить или получить деньги. Следует полагать, что каждая революция приносит поистине кардинальные перемены в сферу обмена деньгами и ценностями, отсюда важно мыслить в контексте, размышлять о прошлом (история имеет значение), чтобы понять настоящее и спрогнозировать будущее [20, с. 25-20].

Литература:

1. Бабицкий А. Численное преимущество // РБК. – 2015. – № 2. – С. 59-61.
2. Собирай и властвуй. Пандемия ускорила развитие рынка больших данных. – URL: <https://rg.ru/2021/01/26/pandemii-uskorila-razvitiie-rynka-bolshih-dannyh.html> (дата обращения: 04.07.2021).
3. Большие данные (Big Data) мировой рынок. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Большие_данные_\(Big_Data\)_мировой_рынок](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Большие_данные_(Big_Data)_мировой_рынок) (дата обращения: 04.07.2021).
4. Гордеев В.А., Майорова М.А., Шкиотов С.В., Маркин М.И. Цифровая экономика в зеркале теоретической экономики // Теоретическая экономика. – 2018. – № 6(48). – С.66-69.
5. Букреев В.В. Является ли цифровизация панацеей для российской экономики? // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 4 (16). – С. 49.
6. Макаренко Г. От большого к малому // РБК. – 2019. – № 11. – С. 58-62.
7. Макаров А.Н. О цифровой экономике в контексте глобальных трендов и источников экономического роста (рефлексия концептуальных особенностей, эволюции институциональных основ и вызовов) // Региональный экономический журнал. – 2018. – № 3-4 (23-24). – С. 5-36.
8. Макаров А.Н. О рефлексии концептуальных особенностей, эволюции институциональных основ и вызовов цифровой экономики в контексте глобальных трендов и источников экономического роста // Региональный экономический журнал. – 2019. – № 1-2 (25-26). – С. 5-28.
9. Соловьев А. Клубы бизнес-ангелов как драйвер рынка венчурных инвестиций. – URL: <https://vc.ru/finance/200313-kluby-biznes-angelov-kak-drayver-rynka-venchurnyh-investiciy> (дата обращения: 04.07.2021).
10. Пузырь доткомов – коррекция «новой экономики». – URL: <https://utmagazine.ru/posts/17491-puzыр-dotkomov-korrekcija-novoy-ekonomiki> (дата обращения: 04.07.2021).
11. Нуреев Р.М. Цифровая экономика: на пороге четвертой промышленной революции? // Теоретическая экономика. – 2018. – № 6(48). – С. 70-73.
12. Интернет-доступ (мировой рынок). – URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет> (дата обращения: 06.05.2021)
13. Мировая экономика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / Под ред. И.П. Николаевой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 398 с.
14. Современный характер циклического воспроизводства: мировое и российское измерение / Под ред. К.А. Хубиева. – М.: Экономический факультет МГУ, 2012. – 160 с.
15. Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест. – 2003. – Вып. 3. – № 3. – С. 336-422.
16. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.
17. Список стран по ВВП на душу населения 2018, в \$. – URL: <http://investorschool.ru/rejting-stran-po-vvp-na-dushu-naseleniya-2018> (дата обращения: 04.07.2021).
18. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2016. – 592 с.

19. Нуреев Р.М. Цифровая экономика: на пороге четвертой промышленной революции? // Теоретическая экономика. – 2018. – № 6(48). – С. 71-72.
20. Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / Пер. с англ. О. Сивченко. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 304 с.

On the Potential of the Digital Economy for Integration Processes (Polyeconomic Sketches)

Makarov A.N.

Naberezhnevsky Institute Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the analysis of the features of the digital economy, the transformation of the global market under the influence of digitalization. The article discusses the conceptual foundations of the digital economy, its contradictions, risks and opportunities.

Key words: digital economy, Internet, opportunities, risks, reproduction

